МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЗАПАДНЫЙ ФИЛИАЛ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. А.С. ПУШКИНА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

При организационной поддержке
АНО ДПО «РЕГИОНАЛЬНЫЙ УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР»;
при информационной поддержке
научного журнала
«СОВРЕМЕННАЯ КОММУНИКАТИВИСТИКА»

СБОРНИК СТАТЕЙ
VIII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
(28–30 МАЯ 2020 ГОДА)

ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ЧАСТЬ 2

Калининград
2020

УДК 009(082)
ББК 60я431
К 94

К 94 **Гуманитарные технологии в современном мире:** Материалы VIII Международной **научно-практической конференции (28–30 мая 2020 г.)**. / Составители Л.М. Гончарова, Т.В. Нестерова, Э.А. Китанина. – В 2 ч. Ч. 2. – Калининград: Издательство «РА Полиграфычъ», 2020. – 280 с.
ISBN 978-5-6044116-6-7, **ISBN 978-5-6044116-8-1**

Рецензенты:

Иванов Александр Вадимович
доктор экономических наук, профессор РЦ ВШГУ
Западного филиала РАНХиГС;

Ларионова Алла Юрьевна
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка
для иностранных учащихся Уральского федерального университета
имени Первого президента России Б.Н. Ельцина.

В сборнике опубликованы труды представителей различных направлений гуманитарной науки. Обсуждаются теоретические, практические, методические вопросы в области лингвистики и коммуникации, педагогики, социо- и психолингвистики, политологии, философии, культуры, истории, психологии, имиджевых, рекламных и PR-технологий. Участники конференции – педагоги, теоретики, практики, состоявшиеся ученые и молодые исследователи.

Все материалы, присланные участниками конференции,
печатаются в авторской редакции.

ISBN 978-5-6044116-6-7,
ISBN 978-5-6044116-8-1 (Ч. 2)

Оглавление

ЧАСТЬ 2. ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

СЕКЦИЯ 1. ЯЗЫК, РЕЧЬ, КОММУНИКАЦИЯ В СОЦИУМЕ: НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ 7

Алиулина С.Р. МЕХАНИЗМ АДРЕСАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 8

Букреева А.В. ДИСГАРМОНИЯ В ОБИХОДНО-БЫТОВОЙ КОММУНИКАЦИИ 14

Габдрахманова Е.В. РЕЧЕВЫЕ АКТЫ УГРОЗЫ В ОБИХОДНОЙ КОММУНИКАЦИИ 19

Демидова П.О. ШУТКА В СЕТЕВОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ КОММУНИКАЦИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦСЕТИ «ВКОНТАКТЕ») 24

Ирани А.А. ПРАГМАТИКА ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ТРЭВЕЛ-ШОУ «ОРЕЛ И РЕШКА») 30

Карпукова Ю.Д. ИРОНИЯ В ОБИХОДНОЙ КОММУНИКАЦИИ 35

Клебанова М.Г. «СОЧУВСТВИЕ», «УТЕШЕНИЕ», «УСПОКАИВАНИЕ» В ОБИХОДНОЙ КОММУНИКАЦИИ 40

Конева О.В. КОММЕНТАРИЙ К ВИЗУАЛЬНОМУ КОНТЕНТУ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ 45

Курм Д.М. РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ЭКО-БЛОГАХ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «INSTAGRAM») 51

Кязымова М.К.К. СУБЪЕКТ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ АКАДЕМИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ: МЕХАНИЗМЫ ТРАНСПОЗИЦИИ МЕСТОИМЕНИЙ 56

Маркович Л.Б. СЕТЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ВИДЫ ЯЗЫКОВОЙ КОМПРЕССИИ 61

Мочалова Т.Г. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ РЕЧЕЙ ДОНАЛЬДА ТРАМПА) 67

Панчехина А.А. СПОСОБЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТ) 71

Разина П.А. МАНИПУЛЯЦИЯ В СЕМЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ 75

Фараджева Л.С. ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА БАХТИЯРА ВАГАБЗАДЕ) 81

Чернова В.Е. ДИАЛОГИЧНЫЙ ХАРАКТЕР ДИСКУРСА ПУБЛИЧНЫХ ЛЕКЦИЙ 86

Шаркова Е.А. ЗАИМСТВОВАНИЯ В ФЕМИНИСТСКОМ ДИСКУРСЕ: PRO AND CONTRA 91

Шурыгина Е.В. СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В МАРКЕТИНГОВОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕТИ «ИНСТАГРАМ») 95

СЕКЦИЯ 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ И КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ 100

Вахрушева М.А. ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В АСПЕКТЕ РКИ: ВЕРБАЛЬНЫЙ И НЕВЕРБАЛЬНЫЙ КОДЫ 100

Пискунова В.И. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА КОНФЕРЕНЦИИ TED В ФЕМИНИННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ 105

Сопельникова А.К. СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XXI ВЕКА 110

Хайду Н.И. НАРУШЕНИЕ ПОСТУЛАТОВ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ Г.П. ГРАЙСА КАК СПОСОБ РЕКОНСТРУИРОВАНИЯ АДРЕСАТА 115

СЕКЦИЯ 3. ТЕХНОЛОГИИ DIGITAL-ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ И ПРАКТИКЕ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН 122

Белоусов Д.Н. ЦИФРОВОЙ ФОРМАТ ПРЕПОДОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ 122

Хан Нгуен Фук Уен. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА: ПОЧЕМУ ИХ ТРУДНО ПОНЯТЬ ВЬЕТНАМСКИМ УЧАЩИМСЯ? 127

Хуинь Тхи Тхань Тиен. ТРУДНОСТИ В ИЗУЧЕНИИ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВО ВЬЕТНАМСКОЙ АУДИТОРИИ 132

СЕКЦИЯ 4. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ 137

Здерева Е.А. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ДУБЛЕТОВ ТИПА DEPENDENCE/DEPENDENCY (НА МАТЕРИАЛЕ МАСС-МЕДИАЛЬНОГО ДИСКУРСА) 137

Ильина Е.Г. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФАСЦИНАТИВНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-САЙТОВ) 144

Илларионова В.А., Осипова А.А. АНАЛИЗ СИСТЕМ СОКРАЩЕННОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СКОРОПИСИ КАК ИНСТРУМЕНТА ФАСИЛИТАЦИИ УСТНОГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПЕРЕВОДА 151

Самсонова О.И. ОПИСАТЕЛЬНЫЕ ФРАГМЕНТЫ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА П. ЗЮСКИНДА «ПАРФЮМЕР. ИСТОРИЯ ОДНОГО УБИЙЦЫ» 157

СЕКЦИЯ 5. СЕРВИС, ТУРИЗМ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ И ИННОВАЦИОННЫЕ РЕШЕНИЯ 162

Андрушко В.В. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОДВИЖЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ С УЧЕТОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ 162

Гильманова Р.Э. ЭТНИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ: РАЗВИТИЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА, И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ..... 167

Домрина Ю.И. КОРПОРАТИВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ КАК ФОРМА И СРЕДСТВО ОРГАНИЗАЦИИ КОММУНИКАЦИИ..... 171

Калягина Г.В. НОВОСТНОЙ ПОТОК В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА. О ЧЕМ ЧАЩЕ ВСЕГО ГОВОРЯТ НИЖЕГОРОДСКИЕ СМИ И ПОЧЕМУ?..... 176

Васильева Н.Д., Каркина К.А. ВЫСТАВКА КАК ФОРМА PR-КОММУНИКАЦИИ 181

Кириллова И.А. ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ В РОССИИ: ТРЕНДЫ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ 184

Кузьмин В.Д. ОРГАНИЗАЦИЯ ТУРИСТСКИХ ПРОСТРАНСТВ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ НИЖНЕГО НОВГОРОДА 189

Манякова Л.И. ГУМАНИТАРНЫЙ СЕРВИС КАК СФЕРА ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 193

Пудеева И.М. КОММУНИКАТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕДУЩЕГО МЕРОПРИЯТИЯ..... 198

Седова Д.А. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ В ТУРИЗМЕ НА КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВАХ..... 201

СЕКЦИЯ 6. РЕКЛАМНЫЕ, PR И ИМИДЖЕВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ 205

Аверина М.Д. ИНФОРМАЦИОННО-РЕКЛАМНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАБОТЫ КОМПАНИИ НА ВЫСТАВКЕ..... 205

Антипова А.Н. PR-ТЕХНОЛОГИИ В РАЗВИТИИ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ОРГАНИЗАЦИИ СФЕРЫ МЕДИЦИНЫ (НА ПРИМЕРЕ ГРУППЫ КОМПАНИЙ «СТОМА») 208

Беличенко А.А. КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ, ЕЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ 212

Буковская А.М. ИНСТРУМЕНТЫ EVENT-МЕНЕДЖМЕНТА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА..... 216

Булатова Д.С. СПЕЦИФИКА КОММУНИКАЦИОННОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ КОМПАНИЙ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ..... 221

Бушуева Е.А. ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В БРЕНДИНГЕ 226

Вахтурова А.А. ОСОБЕННОСТИ ДЕЛОВОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ КИТАЯ 229

Жучкова Н.С. КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД ПРИ АНАЛИЗЕ РЕКЛАМНОГО СООБЩЕНИЯ 232

Мжачих Е.В. КОММУНИКАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 237

Новоторова Т.Ю. ПОСТРОЕНИЕ БРЕНДА РЕКЛАМНОГО АГЕНТСТВА В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ 241

Петрова А.Ф., Куличенко Е.А. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СФЕРЕ КРАСОТЫ 245

Рязанцева К.И. ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ 248

Сидорина О.Ю. СПЕЦИФИКА ВИЗУАЛИЗАЦИИ РЕКЛАМЫ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ 255

Тарасюк А.П. ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА СОВРЕМЕННОГО РУКОВОДИТЕЛЯ В ОРГАНИЗАЦИИ 259

Чебанов И.Д., Ковлишенко К.М. DIGITAL-ИНСТРУМЕНТЫ ПРОДВИЖЕНИЯ КОМПАНИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 264

Штерн А.Ю. РОЛЬ ИННОВАЦИОННОГО МАРКЕТИНГА В РАМКАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПРОДВИЖЕНИЯ РЕСТОРАННОГО БИЗНЕСА 270

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 274

СЕКЦИЯ 1. ЯЗЫК, РЕЧЬ, КОММУНИКАЦИЯ В СОЦИУМЕ: НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

МЕХАНИЗМ АДРЕСАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Алиулина С.Р. (г. Москва, Россия)

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению специфики политического дискурса, а также механизму адресации в рамках последнего. Анализируются типологические особенности политического дискурса, объясняются коммуникативные цели, используемые политическими деятелями, отражены черты, характеризующие язык политика, а также актуализируются позиции адресанта и адресата в исследуемом дискурсе.*

Abstract. *The article regards the phenomenon of political discourse as well as the mechanism of addressing within the framework of the same discourse. The author determines the specific features of political discourse, explains communication goals set by politicians, characterizes their language, and describes the concepts of the addresser and addressee.*

Ключевые слова: *политический дискурс; язык политика; адресант; адресат.*
Keywords: *political discourse; politician's language; addresser; addressee.*

Политическая коммуникация вызывает особый интерес среди лингвистов, политологов, психоаналитиков. Это объясняется тем, что речь любого политического деятеля представляет собой особый механизм воздействия на массовое сознание людей. В политическом дискурсе все речевые стратегии имеют общую цель: оказать воздействие на адресата, убедить его принять решение, нужное для субъекта политической деятельности [Volskaya, 2017; Zheltukhina, 2018]. Политический дискурс способен манипулировать понятием истины, выдавая субъективное за объективное. Последнее некоторым образом связывает политический дискурс с театральным и медиадискурсом, воздействующими на массового

адресата [Борботько, 2017, с. 112]. При этом, нельзя не отметить социальный характер политической коммуникации в силу упомянутой публичной адресации, а также институциональный характер [Викулова, Серебренникова, 2014].

Актуальность проводимого исследования обусловлена интересом лингвистической науки к проблемам достижения эффективности речевого воздействия на человека или группу людей посредством политического выступления, обладающего «арсеналом лингвистических, риторических и коммуникативных средств, воздействующих на избирателей» [Мочалова, 2020, с. 113]. При анализе функционально-прагматического потенциала элементов политического дискурса появляется необходимость определить исходные механизмы процесса коммуникации, которые предполагают, что отправитель (источник) передает определенное сообщение, чтобы оказать конкретное воздействие на получателя.

Современные научные представления о политическом дискурсе (ПД) разнородны. Многие лингвисты рассматривают ПД как часть идеологии или идеологического дискурса. Различие состоит в том, что политический дискурс – это субдискурс, то есть когнитивное пространство, организованное совокупностью текстов, ссылок, изображений, знаков и т.д., посвященных определенной теме (*субдискурс образование, политика, развлечение и т.п.*) [Сорокин, 1997, с. 46], в то время как идеологический дискурс представляет собой метадискурс, то есть является своего рода объединяющим звеном различных частей текста и, таким образом, позволяет автору выражать свое отношение к написанному или вести диалог с читателем.

Общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушать адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и/или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса – пробудить в адресате намерение, дать почву для убеждения и побудить к действию [Шапочкин, 2012, с. 58].

Анализируя специфику политического дискурса, можно выделить основные характеристики последнего, в частности:

– главной проблемой политического дискурса является тема власти; соответственно, политический дискурс отражает борьбу различных сил за обладание властью, что определяет особенности коммуникативных актов в рамках политического дискурса.

– в основе коммуникативных актов политического дискурса лежит стремление воздействовать на собеседника, этим определяется эксплицированная (явно выраженная) или имплицитная (невыраженная) суггестивность, явно доминирующая над информативностью;

– политический дискурс представляет собой диалог, соответственно, отличается экспрессивностью и образностью;

– высказывание, принадлежащее политическому дискурсу, оказывается направленным на массового адресата;

– политики пытаются завуалировать свои цели, используя номинализацию, эллипсис, метафоризацию, особую интонацию и другие приемы воздействия на сознание электората и оппонентов [Попова, 1994, с. 149].

Фокус политического дискурса составляют те жанры, которые в максимальной степени соответствуют основному назначению политической коммуникации – борьбе за власть. Это парламентские дебаты, речи политических деятелей, голосование. Кроме того, политический дискурс включает такие жанры как публичные выступления, посвященные политике, газетно-публицистические тексты, постановления, указы, политологические статьи [Шапочкин, 2012, с. 59].

Главной темой настоящей статьи является спецификация механизма адресации в рамках политического дискурса. Текстовые элементы политического дискурса, как и тексты любой другой дискурсивной принадлежности, предполагают наличие адресата и адресанта и носят дифференцированный характер (в зависимости от социального положения, профессионального уровня коммуникантов, обстановки осуществления дискурсивной практики).

Рассмотрим механизм адресации с точки зрения социолингвистики, которая разграничивает два основных вида дискурса: персональный (личностно

ориентированный) и институциональный. В первом случае (что характерно для политического дискурса), речь призвана служить диалогическому общению на сокращенной дистанции с повышенной семантической нагруженностью, либо монологическому общению развернутого характера [Горелов, 1995, с. 137]. В рамках институционального политического дискурса адресант выступает от лица того или иного политического института, придерживаясь определенных статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных норм. В рамках политической коммуникации представляется возможным выделить следующих основных ее участников: политические институты (государство, политические партии, гражданское общество), задачей которых является установление и поддержание власти, обеспечение законности в обществе; организованные и неорганизованные группы людей и индивиды из народа, которые являются так называемыми клиентами политического дискурса [Шейгал, 2000, с. 44]. Последние могут принимать участие в политической жизни как в институциональной (выборы), так и в неинституциональной (митинги, собрания) форме. Отдельно следует выделить СМИ, выступающие в качестве трансмиттера информации от политической власти к народу, по-своему выставляя экран преломления [Борботько, 2019]. Как известно, в качестве наиболее властного политического адресанта выступает именно государство.

Рассмотрим реализацию речи адресанта в политическом дискурсе. Речь политика часто изобилует символами, а ее успешность определяется тем, насколько подобные символы созвучны массовому сознанию: политик должен обладать навыком прямого воздействия на аудиторию. В большинстве случаев политические символы отражаются в виде *лозунгов, имен, изображений.* Высказывания политика должны коррелировать с мировоззрением людей, его адресатов [Демьянков, 2002, с. 37–39]. Подобное внушение не всегда выглядит как

аргументация. В большинстве случаев достаточно дать понять, что позиция, в пользу которой выступает пропонент, лежит в сфере интересов адресата. Например, для того чтобы отстоять ту или иную точку зрения, необходимо вызвать у аудитории именно те эмоции, на которые рассчитывает автор, в частности, сочувствие или ненависть. Этого можно добиться, рассказывая о том, как жесток терроризм, как несправедлива нынешняя власть, как страдают голодающие. Рассмотрим точку зрения Алексея Навального касательно современной политической ситуации в стране: *«Еще несколько лет и Путин вобьет страну в такое дно, что это потом отразится на размере пенсии детей, родившихся при Путине-президенте»* [Навальный, 2020]. В зависимости от политических предпочтений людей, данное утверждение может вызывать недовольство или же широкую поддержку. Существует другой подход, в основе которого лежит идея воздействия на аудиторию, при этом, не рассчитывая оказать влияния на чье-либо сознание. В этом случае, политик лишь «размышляет» вслух [Там же, с. 38]. К примеру, некий политический деятель пытается склонить аудиторию к принятию «верного» решения относительно выбора партии. Он называет организацию, в которой состоит, выделяя ее среди прочих. Далее он рассказывает о деятельности партии, ее членах, а также о проделанной работе, которая, несомненно, является успешной. Рассмотрим выступление руководителя фракции «Яблоко» Григория Явлинского: *«…**Мы партия**, которая принципиально **отвергает насилие**, мы партия, которая **отвергает** такие методы, как **государственные перевороты, политические интриги, закрытые корпоративные сделки**…»* [Явлинский, 2016]. Данный пример демонстрирует тактику «размышления вслух», выражающуюся в повествовании об определенной организации или о конкретном человеке. Заметим, что оратор грамотно преподносит информацию, используя эмоционально-окрашенную лексику, при этом не оказывая давления на публику.

Таким образом, интерпретируя политический дискурс, необходимо рассматривать его с разных сторон, то есть учитывать как лингвистические, так и экстралингвистические аспекты (понимание ожиданий автора и аудитории,

скрытых мотивов, сюжетных схем и логических переходов, актуальных в конкретную эпоху). В таком случае, только создав у адресата ощущение добровольного приятия чужого мнения, заинтересованности, актуальности, истинности и удовлетворенности, оратор может добиться успеха в этом внушении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борботько Л.А. Трансформация адресата театрального дискурса в лингвокогнитивном преломлении // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 37. – С. 673–678.

2. Борботько Л.А. Человек и его дискурс–5: театр, массмедиа, политика, бизнес: коллект. монография. – М.: Волгоград: ИЯ РАН; Принт-Терра Дизайн, 2017. – 248 с.

3. Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф. Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в массмедийном коммуникативном пространстве // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2014. – № 2 (14). – С. 55–63.

4. Выступление Григория Явлинского на форуме депутатов партии «ЯБЛОКО» [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=5TnFjIB_oU (Дата обращения 24.04.20).

4. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. – 2002. – № 3. – С. 37–39.

5. Горелов И.Н. Социопсихолингвистика и проблемы управления обществом // Философия языка и семиотика. – Иваново, 1995. – С. 137–149.

6. Мочалова Т.Г. Особенности коммуникативных тактик: аксиологические стратегии политического дискурса (на материале предвыборных речей Хилари Клинтон) // В сборнике: Научный старт–2020 Сборник статей магистрантов и аспирантов / Редколлегия: Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева, И.В. Макарова, Л.А. Борботько. – М., 2020. – С. 113–117.

7. Навальный А.А. // Радиостанция Эхо Москвы [Электронный ресурс]. URL: https://echo.msk.ru/blog/corruption/260416-echo/ (Дата обращения: 24.04.20).

8. Попова Е.А. Политический дискурс как предмет культурно-лингвистического изучения // Языковая личность: проблемы значения и смысла: сб. науч. тр. – 1994. – С. 149.

9. Сорокин Ю.А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России: Материалы рабочего совещания. – М., 1997.

10. Шапочкин Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект. – М., 2012. – 260 с.

11. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография. – Волгоград: Перемена, 2000. – 431 с.

12. Volskaya N.N., Borbotko L.A., Zheltukhina M.R., Kupriyanova M.E., Ilina A.Y.XLinguae. Effective suggestive psychotechniques in the political media discourse. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 84–95.

13. Zheltukhina M.R., Busygina M.V., Merkulova M.G., Zyubina I.A., Buzinova L.M.XLinguae. Linguopragmatic aspect of modern communication: main political media speech strategies and tactics in the USA and the UK. – 2018. Т. 11. – № 2. – С. 639–654.

ДИСГАРМОНИЯ В ОБИХОДНО-БЫТОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Букреева А.В. (г. Москва, Россия)

Аннотация. *В статье даются дефиниции понятий «гармония», «дисгармония», приводится классификация ситуаций дисгармоничного общения, анализируются примеры проявления дисгармонии в обиходно-бытовой коммуникации.*

Abstract. *The article gives definitions of the concepts «harmony» and «disharmony», provides a classification of situations of disharmonic communication, analyzes examples of manifestations of disharmony in everyday communication.*

Ключевые слова: *гармония, дисгармония, дисгармоничное общение, потенциально конфликтные ситуации, ситуации конфликтного риска, собственно конфликтные ситуации.*

Keywords: *harmony, disharmony, disharmonious communication, potentially conflicting situations, situations of conflict risk, actual conflict situations.*

Данная статья посвящена рассмотрению дисгармонии в обиходно-бытовой коммуникации. Сфера бытового общения включает в себя «семейное общение и повседневное общение вне семьи (на улице, в магазине и пр.)» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 223]. Нас интересуют как прямые, так и косвенные речевые акты (в том числе намеки [Нестерова, 2012; Нестерова, 2015]) в дисгармоничных диалогах коммуникантов. Как отмечает Т.В. Нестерова, такие речевые реализации «требуют дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [Нестерова, 2015, с. 190].

Необходимо дать дефиниции понятий «гармония» и «дисгармония» применительно к коммуникации. Ю.В. Щербинина определяет гармонию как «некий предустановленный коммуникативный идеал», а дисгармонию как «динамически относительно фиксированное негативное (деструктивное, разрушительное) состояние в процессе развертывания речи в конкретной коммуникативной ситуации» [Щербинина, 2009, с. 163]. В.С. Третьякова утверждает, что «коммуникативные сценарии практически любой речевой ситуации, репрезентированные в речи в рамках того или иного речевого жанра, могут развиваться по пути гармонии либо дисгармонии» [Третьякова, 2009, с. 168].

Дисгармоничным общение становится при наличии у одного или всех участников коммуникации конфронтационной установки. По мнению А.С. Лежниной, «конфронтационная установка предполагает постановку говорящим собственных интересов, мнений и ценностей выше интересов, мнений и ценностей собеседника» [Лежнина, 2014, с. 16]. Автор также утверждает, что итогом дисгармоничного общения является «неполная реализация или полная нереализация одним или всеми участниками общения коммуникативных намерений и ожиданий» [Там же, с. 16]. По мнению Т.Н. Колокольцевой, дисгармоничное общение предполагает следующее: «1) несогласованность коммуникативных стратегий и тактик участников ситуации; 2) неприемлемая хотя бы для одного из коммуникантов тональность речи; 3) отсутствие искренней заинтересованности предметом обсуждения; 4) вербальное или паралингвистическое выражение негативных установок по отношению к содержанию высказанного или к личности собеседника; 5) отсутствие эффективного результата коммуникативного акта» [Колокольцева, 2001, с. 169].

В.С. Третьякова выделяет три типа дисгармоничных ситуаций общения с учетом степени выраженности противоречий сторон: «потенциально конфликтные ситуации, ситуации конфликтного риска (предконфликтные) и собственно конфликтные ситуации» [Третьякова, 2009, с. 188]. По мнению автора, в потенциально конфликтных ситуациях содержатся «провоцирующие конфликт факторы, которые не обнаруживаются явно, и лишь известные собеседникам импликатуры свидетельствуют о наличии или угрозе возникновения напряженности» [Там же, с. 188]. В.С. Третьякова указывает на то, что в ситуациях конфликтного риска появление отклонения от общекультурного сценарного развития ситуации «сигнализирует об опасности приближающегося конфликта» [Там же, с. 193]. Для того чтобы коммуникация не переросла в конфликт, необходимо осуществлять гармоничную регуляцию общения. Т.В. Нестерова и О.А. Страхова пишут о ситуациях коммуникативного риска в обиходном общении русских, подробно рассматривая средства и способы снижения категоричности в речи говорящих

[Нестерова, Страхова, 2015; Страхова, 2017]. Как утверждает В.С. Третьякова в собственно конфликтной ситуации «проявляется осознаваемое или неосознаваемое зарождение конфликта, происходит фиксация аспектов вызревания конфликта» [Третьякова, 2009, с. 196].

Рассмотрим диалоги коммуникантов, содержащие дисгармоничные коммуникативные акты (интеракции) (примеры взяты из телесериала «Сваты»).

Пример № 1. Потенциально конфликтная ситуация

К1 – Валентина Петровна Будько, супруга Ивана Степановича, мать Маши, младший технолог на хлебозаводе.

К2 – Ольга Николаевна Ковалёва, супруга Юрия Анатольевича, мать Максима, главный бухгалтер института.

Ситуация: Маша и Максим уезжают в отпуск, их дочь Женя остается с бабушками и дедушками. К1 и К2 – в комнате у компьютера.

К1: *Ольга Николаевна!*

К2: *Да?*

К1: *Это… у Вас такой батничек отпадный.* (К2 приятно, она улыбается) *Это же Вы в нем тогда на свадьбе были, да? А прям как новый до сих пор* (быстро уходит). (К2 сначала продолжает улыбаться, но после ухода К1, меняется в лице, поджимает губы, тихо произносит: *«Вот зараза»*).

К1 делает комплимент К2 (*Это… у Вас такой батничек отпадный*). К2 реагирует на речевой акт К1 как на комплимент, о чем свидетельствует невербальная реакция К2. Затем К1 намекает на то, что вещь старая (*Это же Вы в нем тогда на свадьбе были, да? А прям как новый до сих пор*). В интенции К1 – уколоть К2. Ситуация не перерастает в конфликт, так как К1, осуществив свое намерение, быстро выходит из комнаты, не дожидавшись вербальной реакции К2, а К2, растерявшись, попав в «коммуникативную ловушку» К1, реализует коммуникативно значимое молчание.

Пример № 2. Ситуация конфликтного риска

К1 – Ольга Николаевна Ковалёва, супруга Юрия Анатольевича.

К2 – Юрий Анатольевич Ковалёв, супруг Ольги Николаевны.

Ситуация: Юрий Анатольевич без ведома Ольги Николаевны поселил у них в квартире своего друга Берковича. Ольга Николаевна об этом узнает.

К1 (возмущенно): *Как ты посмел?! Как ты посмел, не спросясь меня…*

К2 (виновато): *Прости меня, пожалуйста. Слушай, давай я ему позвоню, скажу, чтобы он другое место подыскивал.*

К1 (повышает голос, переходит на крик): *Нет, нет, Юра. Я хочу, чтобы ты, вот как ты есть, не прикрывайся, я жена твоя! Вот так вот сел в машину и помчался, помчался! И выковырял из нашего дома своего Берковича! Ты понял?!*

К1: *Хорошо, я поеду. Я это сделаю.*

К1 возмущена поведением мужа. Она упрекает его, категорично требует, повышает голос. К2 понимает, что виноват. Он использует нейтрализующие тактики: этикетные формулы извинения (*Прости меня, пожалуйста*), предлагает вариант решения проблемы (*Слушай, давай я ему позвоню, скажу, чтобы он другое место подыскивал*), соглашается с К1 (*Хорошо, я поеду. Я это сделаю*). Регулятивные действия К2 эффективны, ситуация не перерастает в конфликт.

Пример № 3. Собственно конфликтная ситуация

К1 – Юрий Анатольевич Ковалёв – сват Ивана Степановича Будько. Вместе со своей женой гостит у него в деревне.

К2 – Дмитрий Александрович Буханкин (Митяй), друг и кум Ивана Степановича Будько.

Ситуация: Юрий Анатольевич берет из сарая газонокосилку, чтобы помочь Ивану Степановичу. Митяй проходит мимо и принимает Юрия Анатольевича за вора.

К2: *Эй, мужик, ну ка положь назад.*

К1: *Прошу прощения?*

К2: *Прощения ты опосля просить будешь. А ща положь на место то, шо взял, иначе лыче начищу.*

К1: *А позвольте осведомиться, Вы, собственно говоря, кто? И по какому праву так?*

К2: *Шо так?*

К1: *Разговариваете.*

К2: *Я не понял, ты щас, мужик, че? Нарываешься?!*

К1: *Нет, я не хочу продолжать разговор с человеком, который находится в не совсем адекватном состоянии*.

К2: *Понял, ты ща мужик нарвался!* (К1 и К2 дерутся)

Началом конфликта является речевой акт требования (*Ну ка положь назад*). К1 использует этикетные формулы и вежливое обращение на «Вы», К2 воспринимает такое поведение как вызов. Затем К1 пытается блокировать дисгармоничную коммуникацию, указывая на состояние К2 (*Я не хочу продолжать разговор с человеком, который находится в не совсем адекватном состоянии*). К2 расценивает эту фразу как косвенное оскорбление и начинает драку.

Конечно, в рамках одной статьи невозможно рассмотреть все случаи проявления дисгармонии в обиходно-бытовой коммуникации. Это – перспектива нашего исследования. Изучение дисгармонии в обиходно-бытовой коммуникации на сегодняшний день является актуальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи / Т.Н. Колокольцева. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. – 260 с.

2. Лежнина А.С. Лингвопрагматический и риторический аспекты высказываний с саркастическим смыслом: на материале современного немецкого языка: диссертация … кандидата филологических наук: 10.02.04. – СПб., 2014. – 183 с.

3. Нестерова Т.В. Контекстуально-ситуативные речевые акты-намеки в обиходном общении русских // В сб.: Вопросы языка в современных исследованиях. Материалы Международной научно-практической конференции "Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIII Кирилло-Мефодиевские чтения". – М., Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2012. – С. 166–173.

4. Нестерова Т.В. Косвенные реализации речевых интенций в обиходном общении русских // В сб.: Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 томах. – 2015. – С. 189–195.

5. Нестерова Т.В., Страхова О.А. Средства и способы снижения категоричности при реализации речевых актов (обиходное общение русских) //В сборнике: Филологическое образование в современных исследованиях: лингвистический и методический аспекты. Материалы

Международной научно-практической конференции. – М., Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. – 2015. – С. 159–170.

6. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. Михальченко В.Ю. – М., 2006. – 312 с.

7. Страхова О.А. К вопросу об определении понятий «коммуникативный риск» и «зона коммуникативного риска» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 9 (2).

8. Третьякова В.С. Речевая коммуникация: гармония и конфликт [Текст]: моногр. / В.С. Третьякова. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т». – 2009. – 231 с.

9. Щербинина Ю.В. Основные направления гармонизации педагогического дискурса //Преподаватель XXI век. – 2009. – № 1–1. – С. 162–169.

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ УГРОЗЫ В ОБИХОДНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Габдрахманова Е.В. (г. Москва, Россия)

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению речевых актов угрозы в обиходной коммуникации.*

Abstract. *This article is devoted to the consideration of speech acts of threats in everyday communication.*

Ключевые слова: *речевая угроза; обиходная коммуникация; угроза-понуждение; угроза-предупреждение; угроза-наказание.*

Keywords: *speech threat; everyday communication; threat-coercion; warning threat; punishing threat.*

Агрессия и речевая агрессия проникают во все сферы нашей жизни. Этой проблеме посвящены работы многих ученых: Ю.В. Щербининой, Н.В. Хохловой, Т.И. Стексовой, Р.М. Байрамукова, А.А. Кузнецовой, Е.В. Маслаковой, О.В. Новоселовой, А.Н. Баранова, А.М. Плотниковой, Т.Г. Рабенко, Н.Н. Нестеровой и др. Предметом рассмотрения в данной работе являются речевые акты угрозы (далее – РА угрозы) в обиходной коммуникации.

В «Толковом словаре» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дается такое толкование лексемы «угроза»: «1. Запугивание, обещание причинить кому-н. вред, зло. Действовать ~ми. Не бояться угроз. 2. Возможная опасность. У. войны» [Ожегов, Шведова, 2006, с. 825]. Здесь угроза рассматривается с точки зрения оценки намерений агрессора.

Т.И. Стескова дает такое определение РА угрозы: «высказывание, содержащее сообщение о негативных последствиях для адресата в случае каких-л. действий угрожающего, которые будут предприняты, если адресат не совершит или, наоборот, совершит какое-л. действие» [Стескова, 2014, с. 702].

Учитывая спонтанность обиходной коммуникации некоторые ученые утверждают, что РА угрозы в обиходной коммуникации в большинстве случаев не требуют контекста для своей интерпретации, то есть в качестве угроз используются конвенциональные косвенные РА (*«Еще раз в ее сторону посмотришь, я тебя самого на шампур нанизаю», «Если ты сейчас выпьешь, я с тобой разведусь», «Облажаешься – я тебя уволю»* и т.п.). Однако, как показывает наш исследовательский материал, РА угрозы могут представлять собой и контекстуально-ситуативные косвенные РА (далее – КСКРА), в том числе намеки [Нестерова, 2012 (а); Нестерова, 2012 (б); Нестерова, 2015 (а); Нестерова, 2015 (б)]. Интенцию таких РА можно декодировать только с опорой на параметры коммуникативной ситуации (*«Мне тут Лёха про тебя кое-что рассказал. Я вот думаю, может, твоей жене интересно будет?», «И реши сразу задачку: какой окружности у тебя будет синяк, если ты вечером не занесешь деньги?», «И денежки наши верните, а то где находится отделение милиции знаете не только вы, да, Анатольич?»* и т.п.). КСКРА угрозы могут иметь имеют более одной интенции, т.е. являться полиинтенциональными.

Анализ РА угрозы проводится нами с учетом следующих позиций (за основу взяты классификации РА угрозы Р.М. Байрамукова, А.А. Кузнецовой, Е.В. Маслаковой, О.В. Новоселова, А.Н. Баранова и др.):

I. Цель угрозы: 1. Угрозы-наказания – действие уже совершено, говорящий предупреждает о наказании («*Начальник Канцелярии принял слова Данилова на свой счет, бился в ужасном гневе, грозил упечь Данилова в расплавленные недра Земли*» [Баранов, 2014, с. 140]); 2. Угрозы-предупреждения – говорящий хочет предотвратить нежелательное действие («*– Все доводил. Грозил, если не скажу кто любовник, то убьет. – И ты сказала? – Да. Он про тебя все знает*» [Там же,

с. 141]); 3. Угрозы-понуждения – говорящий настаивает на определенном действии адресата («*Совсем не помню, что я отвечала этому полковнику. Кажется, я больше молчала, только изредка повторяя: «Не подпишу!». Он то грозил, то уговаривал, обещал свидание с мужем, с детьми*» [Там же, с. 141]);

II. Позиции коммуникантов в диалоге: 1. Симметричные (равностоящие); 2. Несимметричные: а) Вышестоящий/ нижестоящий; б) Нижестоящий/ вышестоящий;

III. Языковые средства и способы, используемые для реализации цели: 1) Наличие глаголов физического воздействия (нанесение удара («*бить, опоясать, взгреть, огреть, ошарашить, садануть, двинуть*» [Рабенко, Нестерова, 2007, с. 237]), 2) удаление объекта («*вышвырнуть, выкинуть, выдворить, выставить (вон)*» [Там же, с. 237]), 3) повреждение объекта («*вырвать волосы; оторвать ... руки, ноги, уши, голову; пырнуть ножом; башку открутить, разбить морду*» [Там же, с. 237]), 4) отрицательного воздействия на объект («*уработать, уложить, уничтожить, ликвидировать, карать, наказать, расстрелять, убить, укатать; показать кузькину мать; показать, где раки зимуют, прижать хвост*» [Там же, с. 237]) и 5) глаголов социальных отношений (глаголы принуждения («*(по)гнать ... палкой, поганой метлой*» и влияния «*штрафовать, вляпать статью, раскулачить*»);

IV. РА, за счет которых выражается угроза: 1) обещание: а) угрозы с условием («*Я тебя убью, если ты не достанешь деньги к среде*» [Кузнецова, Маслакова, 2015, с. 24]) или б) без условия («*Я тебя убью*» [Там же, с. 23–24]); 2) сообщение, обещание («*Клянусь, я научу тебя слушаться!*» [Хохлова, 2004, с. 69]), 3) напоминание («*Молчи, Александр, – отвечал Кирилла Петрович, – не забудь, что я собираюсь с тобой разделаться*» [Там же, с. 69]), 4) предсказание («*Могиканин, ты умрешь!*» [Там же, с. 70]), 5) опасение («*Вы сообчайте, куда следует, но меня не пужайте, я не из полохливых… И пока не трожьте меня… – А то боюсь, как бы вас мои казаки не потрепали*» [Там же, с. 70]) и др.;

V. Семантическое наполнение угрозы (физический, материальный, психологический ущерб, ущерб социальному статусу, шантаж, иной ущерб, лишение привилегий, абстрактные угрозы);

VI. Приемы косвенного построения угрозы: 1) умолчание («*Считаю до трех: раз, два…*» [Щербинина, 2012, с. 226]), 2) интонация («*Делаю тебе посл-е-еднее замечание…*» [Там же]), 3) риторический вопрос («*Что непонятно?*» [Там же, с. 226]), 4) враждебный намек («*Скоро мне надоест тебя слушать…*» [Там же, с. 226]), 5) иносказание.

Рассмотрим пример, взятый из телесериала «Сваты».

Ситуация: К1, приняв молодых людей в кафе на набережной за гандболистов, живущих в отеле его подруги, хочет воспользоваться этой ситуацией в корыстных целях.

К1: Здорово, пацаны. Ну-ка шустренько мне пару бокальчиков пивка до вечера. Ну, трубы горят. Ну, чего жмотитесь, я Лариске скажу, она вечером вам отдаст.

К2: Какой Лариске, дядя?

К1: Ну, жалко – так и скажите, только дурачков из себя не стройте. Не надо напрягаться, и так все видно.

К2: ***Слушай, алкаш, гулял бы ты, пока цел.***

К1: ***Я щас не понял. Вы че нарываетесь?***

К3: Это мы нарываемся?

К1(возмущенно): Нет, я! ***Лариске скажу, пулей из гостиницы вылетите.***

К2: Что Вы нас какой-то Лариской пугаете?

К1: ***А будешь выкобениваться, я еще Берковичу позвоню.***

К3(смеется): Он еще Берковичу позвонит. (вставая) Это вся твоя крыша или ты еще кому-то звонить собрался?

К1: ***Ну, все, пацаны, вы нарвались! Только не говорите, что я вас не предупреждал!***

Все коммуниканты находятся в позиции равностоящих, однако К1 считает себя вышестоящим (он командует, диктует условия). В приведенном полилоге содержится 7 РА угрозы:

Слушай, алкаш, гулял бы ты, пока цел – угроза-предупреждение с обещанием негативных последствий для К1 (физического ущерба), выраженное в форме требования (угрозы-директива)

Я щас не понял. Вы че нарываетесь? – сочетание угрозы-понуждения и угрозы-предупреждения. Используются формы репрезентатива и рогатива (риторический вопрос).

Лариске скажу, пулей из гостиницы вылетите. – сочетание угрозы-понуждения и угрозы-предупреждения с обещанием ущерба (потеря места временного пребывания). Используются формы комиссивов в сочетании со ссылкой на авторитет (хозяйка отеля).

А будешь выкобениваться, я еще Берковичу позвоню. – сочетание угрозы-понуждения и угрозы-предупреждения с условием и обещанием ущерба. Используется ссылка на авторитет (ректор вуза, в котором учатся спортсмены).

Ну, все, пацаны, вы нарвались! Только не говорите, что я вас не предупреждал! – угроза-наказание за несовершение желаемого действия с обещанием ущерба (физической расправы). Используются формы репрезентатива и директива.

Своим поведением К1 провоцирует ответную агрессию других коммуникантов – нападение.

Конечно, в рамках одной статьи невозможно рассмотреть все случаи выражения угрозы в обиходной коммуникации. Это перспектива нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н. Феномен угрозы в лингвистической теории и экспертной практике. Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 4 (36). С. 139–147.

2. Нестерова Т.В. Контекстуально-ситуативные речевые акты-намеки в обиходном общении русских // В сб.: Вопросы языка в современных исследованиях. Материалы Международной научно-практической конференции "Славянская культура: истоки, традиции,

взаимодействие. XIII Кирилло-Мефодиевские чтения". – М., Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2012(а). – С. 166–173.

3. Нестерова Т.В. Намек в ситуации побуждения адресата к действию (обиходная сфера) // В сб.: Вопросы языка в современных исследованиях. Материалы Международной научно-практической конференции "Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIII Кирилло-Мефодиевские чтения". – М., Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2012(б). – С. 174–183.

4. Нестерова Т.В. Косвенные реализации речевых интенций в обиходном общении русских // В сб.: Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 томах. – 2015(а). – С. 189–195.

5. Нестерова Т.В. Непрямая коммуникация в обиходной сфере (русскоязычное общение) / Т.В. Нестерова // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2015(б). – № 5 (47): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 156–162.

6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений/ Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 944.

7. Стескова Т.И. Угроза. // В кн.: Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник. Сибирский федеральный университет. Под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск, 2014. – С. 702–703.

8. Щербинина Ю.В. Речевая агрессия. Территория вражды: учеб. Пособие. – М.: Форум. 2013. – С. 400.

ШУТКА В СЕТЕВОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ КОММУНИКАЦИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦСЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)

Демидова П.О. (г. Москва, Россия)

Аннотация. *Данная статья посвящена рассмотрению шутливых речевых актов и речевых жанров в сетевом дискурсе. Описаны их семантические и прагматические особенности, создана классификация этих единиц.*

Abstract. *This article explores jokes in online discourse. There were analyzed playful speech acts and genres in network discourse, were described their semantic and pragmatic features, and also was created their classification.*

Ключевые слова: *шутка, шутливый речевой акт, шутливый речевой жанр, сетевой дискурс.*

Keywords: *joke, playful speech act, playful speech genre, network discourse.*

Шутка рассматривалась в работах многих исследователей: М.М. Бахтина, Ю.В. Щуриной, Т.А. Гридиной, В.З. Санникова, А.В. Беловой, Е.А. Хрущевой, и др. [Бахтин, 1990; Щурина, 1997; Гридина, 2002; Санников, 2002; Белова, 2005;

Хрущева, 2009]. Однако, несмотря на большое количество работ, посвященных данному явлению, можно отметить, что на сегодняшний день в сетевом дискурсе практически не описаны шутливые речевые акты (далее – РА) и речевые жанры (далее – РЖ), не создана их типология.

Существует множество определений понятия «шутка» в словарях: шутка – это «то, что говорят или делают не всерьез, ради развлечения, веселья, забавы» [Ожегов, 2009]; «фраза, остроумное слово, которое говорит человек с целью рассмешить других людей, а также забавная веселая проделка, выходка» [Толковый словарь русского языка под ред. Дмитриева, 2003, с. 1556]; «насмешливое слово или действие, не преследующее цель обидеть, оскорбить или унизить человека, а, напротив, развеселить, позабавить его, отвлечь от плохого или чрезмерной задумчивости; беззлобное дурачество, добрый юмор» [Безрукова, 2000] и другие.

В теории речевых актов (далее – ТРА) Дж. Серл, вводит понятие «шутливый речевой акт» (далее «шутливый РА») и относит его к косвенным РА, иллокутивная цель которых присутствует имплицитно и выводится адресатом благодаря его коммуникативной компетенции [Серл, 1986, с. 196]. В других лингвистических работах находим такие определения «шутливого РА»: РА, «в котором говорящий / пишущий ставит своей целью не сообщить какие-то сведения, а рассмешить слушателя / читателя путем столкновения двух находящихся в оппозиции друг к другу и перекрывающих друг друга культурных сценариев» [Кулинич, 2000, с. 98]; «РА, в котором присутствуют говорящий и слушающий и цель которого – не сообщить какую-то информацию, а развеселить, развлечь, рассмешить слушателя, доставить ему удовольствие, улучшить его эмоциональное состояние, развлечься самому» [Нестерова, 2017 (б), с. 126]. Как отмечает Т.В. Нестерова, «шутливые РА относятся к единицам непрямой коммуникации, представляют собой вербальные реализации прагмалингвистической категории косвенности, являясь контекстуально-ситуативными косвенными речевыми актами» (далее КСКРА) [Там же, с. 126]. Автор пишет: «… помимо основной цели (см. выше) шутливые РА могут преследовать и иные: подбодрить, утешить

адресата, снять стресс, разрядить обстановку, вывести общение из зоны коммуникативного риска, предотвратить конфликтную ситуацию [Там же, с. 126].

Шутливый РЖ определяется как «цельный текст ограниченного объема с комическим содержанием» [Санников, 2002, с. 23]; «микротекст, функционирующий в макротексте и не существующий вне этого текста» [Хрущева, 2009, с. 17]; «многоцелевой РЖ, иллокутивная сила которого складывается из нескольких составляющих, причем определяющую роль имеет сознательная установка на комический эффект» [Щурина, 1997, с. 11].

Существуют различные классификации шутливых РА и РЖ. Так, Т.В. Нестерова рассматривает шутливые РА в ситуациях, описанных с точки зрения речевого этикета [Нестерова, 2017 (а); Нестерова, 2017 (б)]. Автор пишет о полиинтенциональных КСКРА, реализующих сразу две (и более) интенций: шутливое обращение (шутка+обращение): «Людк, а Людк!» (шутливое обращение к адресату по имени «Людмила»; цитата из кинофильма «Любовь и голуби» с имитацией интонации Раисы Захаровны, которую играет Людмила Гурченко)» [Там же, с. 127]; шутливое приветствие (шутка+приветствие): «Привет от старых штиблет!» [Там же, с. 127]; шутливое предложение (шутка+предложение): «Пойдем похомячим?» [Там же, с. 127] и др. «Знание контекста речевой ситуации обеспечивает понимание истинного смысла такого РА, коммуникативной установки говорящего» [Нестерова, 2017 (б), с. 127]. В большинстве случаев данные КСКРА представляют собой намеки [Нестерова, 2012; 2019].

Ю.В. Щурина, рассматривая шутку как РЖ, создает классификацию этих речевых реализаций на основе коммуникативной цели адресанта шутки. Она выделяет шутливые РЖ, направленные на поддержание нормального общения, прерывание процесса коммуникации или ликвидирование создавшегося коммуникативного конфликта [Щурина, 1997].

К характерным признакам интернет-среды относят интерактивность, гипертекстуальность, глобальность и креативность [Михайлов, 2004]. Это открытое коммуникативное пространство является почти идеальной средой для существования